

В. В. Миронов¹

ДИАЛОГ КУЛЬТУР И ГЛОБАЛИЗАЦИОННЫЕ УГРОЗЫ

Коммуникация культур осуществляется в рамках особого смыслового пространства, которое Дмитрий Сергеевич Лихачев обозначал как *диалог культур*, подчеркивая тем самым необходимость фактора их взаимопроникновения друг в друга.

Предметом моего доклада является анализ изменений в современной культуре, которые происходят под воздействием научно-технического прогресса в целом и прежде всего в области коммуникации и массмедиа, во многом трансформируя процесс диалога культур, а значит, модифицируя определенным образом человеческую культуру в целом.

Мы будем понимать культуру как совокупность результатов деятельности людей, создавших систему материальных и духовных ценностей. Часть культуры носит «застывший» характер, представляя собой, с одной стороны, совокупность реальных культурно-исторических памятников, а с другой — систему ценностей, таких, например, как Добро, Истина, Красота, Справедливость, выражающих цели человеческого существования. Эта «музейная» часть культуры является фактором ее устойчивости.

В то же время культура — это живое образование, которое приспособляется к условиям ее существования и функционирования, вырабатывая в себе набор «средств практической адаптации» к изменяющимся обстоятельствам, что формирует ее цивилизационную часть. Таким образом, в культуре соединяются противоположные тенденции: стремление к фиксации ценностей и необходимость цивилизационной адаптации к изменяющимся условиям бытия культуры.

Кроме того, мы будем интерпретировать культуру прежде всего как семиотическую систему закодированных знаков, значений и смыслов. В этом смысле культура представляет собой текст как совокупность закодированных смыслов культуры. Поэтому познание культуры всегда есть познание текстов в контексте Текста всей культуры.

Инструментом кодирования культуры выступает реальный язык, с которым необходимым образом связано раскрытие смыслов. Так, познание культуры является не просто познанием структуры текста (грамматики языка), а проникновением в его внутреннюю смысловую специфику, которая связана с историей развития культуры. Коды культу-

ры, связанные с историей их возникновения, есть историческая память как важнейшая составляющая культуры.

Развитие общества приводит к трансформации взаимоотношения между средствами коммуникации и текстом. На современном этапе средства коммуникации становятся содержанием культуры, подчиняя и формируя особенности восприятия информации, а значит, оказывая влияние на механизмы смыслообразования, переходя из состояния некоего фона культурных событий в особое образование, доминирующее над всеми остальными, вынуждая ее функционировать по законам коммуникации.

В развитии человеческой культуры нечто подобное было, когда она переходила к письменности. Рукопись становится первым прорывом локального характера культуры, сформировав рамки и особенности культурной коммуникации. Смыслы культуры фиксировались в письменной форме, что необходимо вело к развитию системы понятий и прежде всего их упорядочиванию. Культурный взрыв (подобный нынешнему вследствие появления электронных средств) происходит в связи с возникновением книгопечатания, которое приводит к доминированию в классической культуре линейного типа мышления, замыкающегося рамками грамматики, трансформируя тем самым восприятие реальности.

Книгопечатание выводит устную культуру за горизонты фонетического и пространственного ограничения, но одновременно порождает ее замыкание пределами национального языка. Культура, по выражению Ю. М. Лотмана, кодируется национальным языком и становится семиотически замкнутой. Поэтому общение культур реализуется как своеобразное «столкновение» обособленных культурных смыслов. В результате этого мы наблюдаем напластование информации «горизонтальной», связанной с расшифровкой кодов современных друг другу культурных систем, и информации «вертикальной», связанной с дополнительным фактором исторической интерпретации. Таким образом, культура предстает перед нами как некое целое, состоящее из подсистем локальных (национальных), достаточно замкнутых культур.

Локальность классической культуры проявлялась в том, что для ее представителя она представляла собой почти «застывшую» систему, смысловое ядро которой на протяжении столетий оставалось неизменным и передавалось от поколения к поколению путем эволюционной адаптации новообразований, претендующих на статус культурных ценностей. Это обеспечивало ее стабильность.

В основе адаптивного механизма лежало структурное распадение культуры на два компонента. «Низовая» часть культуры вбирала в себя стереотипы, традиции и нормы жизни, характерные для большинства людей в их повседневной жизни, была близка конкретному человеку. «Высокая» культура

¹ Член-корреспондент Российской академии наук, декан философского факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, доктор философских наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования РФ. Автор ряда научных и учебных изданий, в т. ч.: «Образцы науки в современной культуре и философии», «Философия и метаморфозы культуры», «Университетские лекции по метафизике», «Онтология и теория познания», «Философия» и др. Главный редактор журнала «Вестник Московского университета. Сер. 7. Философия», член редколлегии журналов: «Вопросы философии», «Вестник Российского философского общества», «Философские науки». Вице-президент Российского философского общества. Награжден медалью ордена «За заслуги перед Отечеством» II степени. Лауреат премии им. М. В. Ломоносова.

вырабатывала продукты, далеко отстоящие от стандартных жизненных стереотипов и представлений, была удалена от реальности, представляя собой идеальный культурный пласт. Эта верхняя, рафинированная часть культуры постепенно оформляется в истории человеческой цивилизации как *культура* «с большой буквы».

Для локальной культуры характерными являются **смысловые оппозиции**, некоторые из которых мы рассмотрим в качестве примера, так как именно они подвергаются трансформации в современной культуре.

Дихотомия «прикровенность—откровенность» была связана с представлением о том, что некоторые явления, факты и формы поведения, несмотря на то что они присутствуют в реальной жизни, должны быть сокрыты для человека на уровне культурных стереотипов. Возникает периферийная зона бытия — его изнанка, которая присутствует в жизни людей, но о которой не принято рассуждать, она требует смыслового прикрытия.

Дихотомия «свой—чужой» отражала ситуацию замкнутости и самодостаточности локальной культуры, которая часто проявлялась в ее противопоставлении (иногда достаточно жестком) иным культурам. Каждая из культур вырабатывала в себе мощнейший каркас, некий «иммунитет» к другой культуре, не пропускающий чуждых элементов и влияний. Мое (внутрикультурное) рассматривалось как истинное, а чужое — как отрицание моего, а значит ложное, а в крайних случаях — даже враждебное.

Линейность как принцип выстраивания смысла письменной речи надолго становится культурным эталоном самовыражения, которому следовало подражать, и он в таком качестве закрепляется как один из основных признаков классической культуры. Приучив себя мыслить линейно, то есть конструируя текст по правилам грамматики, мы и мир стали интерпретировать таким же образом. Происходит закрепление систематического линейного мировоззрения как способа объяснения всего линейной и замкнутой структурой.

Культурное творчество периода классической культуры было направлено на создание **завершенных** объектов как установку на возможность абсолютного постижения бытия, мира и Человека. Будь перед нами произведения музыки, архитектуры или философии — во всех случаях это завершенные произведения, в которых структура продумана от начала до конца. Литературный текст выступал как эталон текста вообще, некий завершенный смысл.

Диалог между культурами реализовывался внутри особого коммуникационного пространства, который Ю. М. Лотман очень удачно обозначил **семиосферой**. В этих условиях область языкового смыслового пересечения, то есть область тождества, была невелика, а область непересекаемого огромна. Желание и необходимость понимания были направлены на увеличение области смыслового пересечения, тогда как тенденции самосохранения внутренних смыслов культур препятствовали

этому. Это создавало ситуацию «культурного напряжения» (Ю. Лотман).

Процессы глобализации изменяют характер диалога культур, разрушая классическую культуру как систему локальных культур. Трансформация культуры означает не просто изменение через эволюционную смену отдельных элементов системы, а изменение сущности системы, то есть ее переход в иное качество. **Трансформация — это направленный внутренний процесс изменения**, который, в отличие, например, от революции, в большей степени сокрыт от наблюдателя, ибо **реализуется за счет встраивания в нее чужеродных элементов, внешне не разрушающих саму систему, но постепенно заставляющих ее работать иным образом**.

Современные процессы, происходящие в культуре, можно сравнить с трансформацией клетки, когда в нее встраивается фрагмент чужеродной ДНК. Культура буквально атакуется «медиавирусами» (Д. Рашкофф), и наибольший эффект достигается, как и в случае с живыми организмами, в тех местах, где ослаблен иммунитет, в данном случае — «культурный иммунитет» системы, или когда культура зависит от поставщика культурных вирусов. Увеличение числа культур, впитывающих порции культурных инфекций, способно модифицировать всю человеческую культуру.

В результате разрушается локальный характер культуры. Диалог между культурами начинает осуществляться в иных семиотических условиях, чем это происходило при контакте локальных культур. Глобальное коммуникационное пространство заставляет культуры общаться по законам и стереотипам общения, которые могут далеко отстоять от сущности и традиций самих культур. **Коммуникация становится самостоятельной субстанцией**. Культуры погружаются внутрь агрессивной коммуникационной среды. Коммуникация из средства превращается в цель и состояние. Совокупность информационных средств, умноженная на новейшие технологии и массмедийные конструкции, превращает пространство семиосферы как условия адаптации культур **в инфосферу как особую реальность**.

Происходит **разрушение дихотомий локальной культуры**. Например, модифицируется дихотомия «прикровенности и откровенности». То, что раньше считалось необходимым скрывать от глаз «посторонних», переходит в свою противоположность, становясь открытым. «Запретные» в рамках старой культуры взаимоотношения между людьми стали, напротив, наиболее модными и популярными. В обществе происходит сексуальная революция, которая выводит традиционно прикрытые, что не означает запрещенные, изображения сексуальной жизни людей и соответствующих переживаний за рамки индивидуальной интимности. В сфере получения удовольствий огромное место занимает «эротизация культуры» как проявление высшей свободы выбора индивидуального удовольствия. Если ранее это могло быть объектом восприятия небольшого количества людей, то теперь это одновременно мо-

гут видеть миллионы и независимо от их возраста. Ю. М. Лотман оценивает сексуальную революцию как проявление контркультуры, которой трудно что-либо противопоставить по силе воздействия на массу.

Наносится удар по принципу **завершенности**, который господствовал в классической культуре, и это уступает место клиповому сознанию, основанному на фрагментарном восприятии реальности. Целостность мира дефрагментируется, и человек внешне свободно может складывать самостоятельную картинку из воспринятых фрагментов.

В мире начинают господствовать **интегративные языковые тенденции**. Одним из результатов этого становится подчинение всех языков тому, который в наибольшей степени способен себя распространить в силу политических, научно-технических и других условий. В новом коммуникационном пространстве господствуют общие стереотипы, общие оценки, общие параметры требуемого поведения, ее общедоступные, то есть наиболее простые компоненты. Мы можем понять любого человека в любой точке Земли, но на уровне совпадения или даже тождественности смыслов. Это становится общением ради общения. Общение без насыщения смыслами. Общение со своим зеркальным отображением по заданным стереотипам коммуникации.

Происходит резкое **увеличение образований, претендующих на статус культурных**. Старая система ценностей подвергается мощнейшему давлению и разрушению, а временные рамки адаптации не позволяют новым символам адаптироваться к традиционной смысловой системе ценностей.

Нарушается пропорция между высокой и низкой культурой, которая становится массовой не только по количеству вовлеченных в нее субъектов, но и по упрощенному качеству потребляемого продукта. Г. С. Кнабе обозначал это как «плебейский протест». В результате доминирующим фактором оказывается не смысл или качество продукта творчества, а система его распространения. Массовая культура — это типично низовая культура, усиленная новейшими средствами аудиовизуального репродуцирования.

В этих условиях возникает **феномен «поп-культуры» как антикультурный выброс из общей системы культуры части низовой культуры**, ставшей массовой по характеру своего производства и потребления. Она не имеет своих этнических корней, даже если использует национальный язык. Важнейшим признаком поп-культуры становится возможность массового производства и потребления ее образцов, что порождает бесконечное приумножение сферы удовольствий и развлечений. Современное общество превращается в фабрику развлечений, потребителями продуктов которой становится все общество.

Особенностью поп-культуры является чрезвычайная **агрессивность** и всеядность, проявляющаяся в том, что тиражированию может быть подвержено все, в том числе и образцы высокого искусства. Поп-культура «вырвалась» из системы культуры, став ее превращенной формой, то есть симуляцией культу-

ры. Условием развития поп-культуры является постоянная раскрутка в медиaprостранстве, охватывающем не только развлекательную сферу, но и все сферы бытия человека, от индивидуального поведения до самовыражения в политике, бизнесе, науке и философии. Это самовыражение массовой культуры и продукт глобального информационного пространства.

Условием поп-культуры является интегрированная информационная среда, а реализацией массовые действия — **шоу**. В шоу господствует не индивидуальное, то есть отличное от другого творчество, а принцип соучастия. Соучастие само становится главной формой коммуникации. Поп-культура — прекрасная среда для распространения медиавирусков. Условием их распространения является узнаваемость в медиaprостранстве, на чем и базируется вся поп-культура, будь то узнаваемость поп-звезд или деятельность поп-лидеров политики.

Поскольку бесконечное шоу поп-культуры пронизывает жизнь каждого человека, то оно не ограничивается только традиционными средствами развлечения, а превращает в развлечение всю окружающую действительность. Человек буквально во всем ищет зрелищности, а средства массмедиа помогают ее представить в соответствующей яркой форме. Реальная жизнь подменяется бесконечными реалии-шоу как примером наивысшей степени симуляции, которая не так безобидна, ибо вырабатывает в человеке однотипные, а значит, легкоманипулируемые стереотипы поведения. Мы погружаемся в «реальность», которая конструируется массмедиа. Шоу — это современный карнавал, который вошел в нашу жизнь, но длящийся, в отличие от периода Средневековья, бесконечно. Низовая культура становится официально признаваемой, и ее представители удостоиваются высоких званий и наград, становятся героями. Карнавальность шоу-культуры закрепляется коммуникативными возможностями Интернета. Общение в Сети — это виртуальное карнавальное шествие, со всей его атрибутикой. Вместо собеседников — маски, которые позволяют говорить все что угодно, включая оскорбления и пр. Интернет переводит реальную жизнь в виртуальный карнавал, значительно продлевая время его действия.

Массовая культура и шоу пронизывают все уровни сознания общества, в том числе и **науку**, формируя ее образ, адаптируя информацию по законам массовой коммуникации до неузнаваемости, но зато удобную для массового потребления. Это проявляется, например, в росте числа фальсификаций научных открытий. Имитация научной деятельности хорошо финансируется различными премиями и грантами и постепенно деформирует сознание человека, занимающегося наукой, который понимает, что имитация проще и надежнее приводит к популярности, а значит, возможности финансирования научных исследований.

Философия — это самосознание культуры, фиксация ее образа на конкретно-исторической стадии развития, а значит, испытывающая на себе послед-

ствия господства массовой культуры. Возникают популярные образы философии, которые «раскручиваются» в массмедиа как продукты, адаптированные для восприятия массовым сознанием. Затем происходит смысловое «оборачивание», и эти превращенные образы становятся предметом профессионального философского интереса в виде, например, философии Симпсонов или философии доктора Хауса. Грань между реально философским содержанием и его имитацией исчезает.

Период постмодерна в культуре порождает **имитирующие формы философии**. Он выступает как теоретическое оправдание трансформации культуры, как оппозиция обыденного сознания сознанию рациональному и теоретическому, но возведенному в ранг нового философского осмысления. Поэтому центральным стержнем постмодернистской линии выступает критическое отношение к тексту, рациональному мышлению в целом, так как именно данные компоненты являются признаками классической культуры.

Главным врагом постмодернизма объявляется метафизика с ее принципами рационального объяснения бытия через причинность, закономерность, что трактуется как проявление догматизма. Отсюда вытекает критика метафизического языка как языка философии. Понимание языка из средства понятийного анализа объектов трансформируется в некое демоническое начало, навязывающее структуру объектам и бытию в целом. Происходит абсолютизация методов деконструктивного разрушения, и деконструкция сама по себе становится в центр философской рефлексии. Предлагается «языковое» прочтение философских проблем, основанное на возможности бесконечного расшатывания устоявшихся языковых стереотипов и поиска новых смыслов и значений.

Постмодернизм оказался формой философии, развитие которого удивительным образом совпало с процессами изменений в сфере коммуникации. Возникновение новой системы общения посредством Интернета в буквальном смысле реализовало целый ряд теоретических положений, которые в иной ситуа-

ции могли пройти незамеченными. В виртуальном пространстве Интернета стала возможной **«смерть автора»**, ибо исчезает всякая ответственность за сообщение и возникает соблазн мистификаций. Реализуется идея **гипертекста**, позволяющего ассоциативно и бесконечно перескакивать от одного фрагмента к другому, без необходимости осуществлять смысловое связывание получаемой информации.

Это обеспечило популярность постмодернизма, так как он оказался на стыке тектонических сдвигов, происходящих в человеческой культуре, и, как это ни парадоксально, может стать тем мостиком, который свяжет нас с классической культурой. Если ранее мы могли лишь образно говорить о семиотическом пространстве, в рамках которого размещаются все философские концепции, а философия представляет собою вневременной диалог всех мыслителей, то сегодня виртуальное пространство Интернета может дополнить этот диалог почти реальным участием. В этой ситуации проблема философской интерпретации выступает на первый план, безотносительно к автору той или иной идеи. Это было прочувствовано постмодернизмом, и его представители обратили наше внимание на языковое творчество как таковое, показав, что нет пределов интерпретации текста и что философ во многом и выступает как наиболее свободный интерпретатор. Одновременно следует понимать, что постмодернистская линия в философии не является столь уж оригинальной. Деконструктивистская установка может быть вполне вписана в общую рационально-конструктивную работу философа.

Постмодернизм отразил умонастроение эпохи постмодерна, в которой человек устал читать толстые тексты, будь то образцы литературы или философии, объективно не имеет для этого времени, заполненного поглощением информационных клипов. Одновременно он отразил и нарастание свободы человека в его мыслиезъявлении, выстраивающего собственные схемы объяснения тех или иных феноменов бытия и не желающего использовать готовые схемы. Проблема лишь в том, где та грань, за которой этой свободой будут прикрываться примитивная банальность и упрощение?